

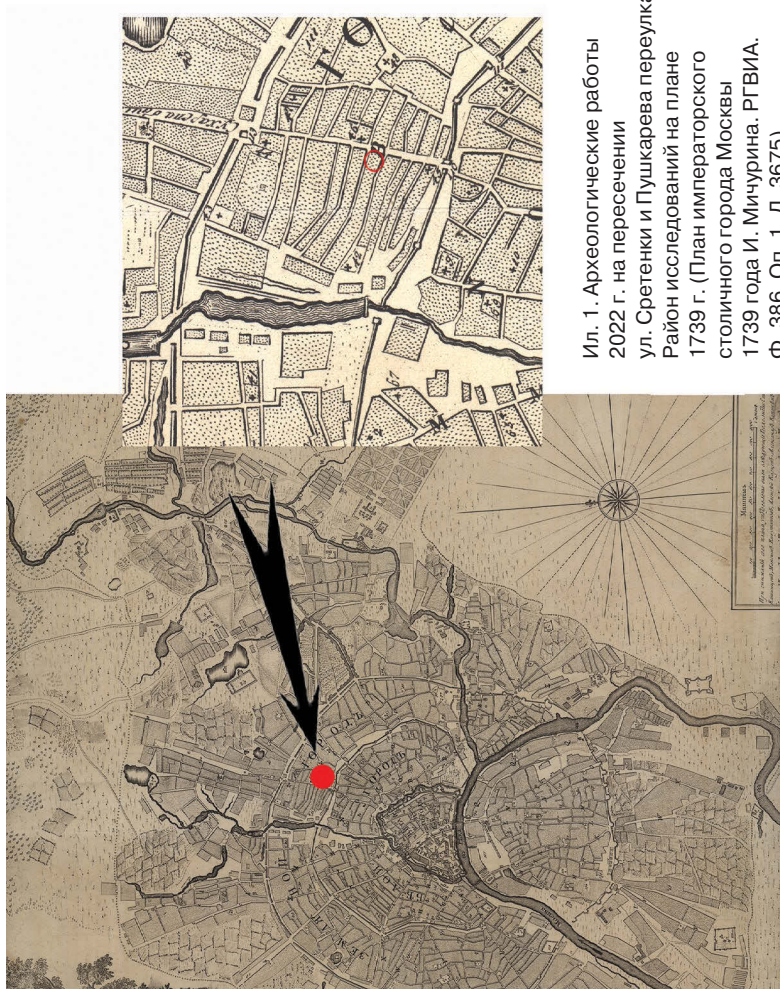
*В. А. Беркович, К. А. Егоров, Н. В. Фролов (Москва),  
К. В. Шмелев (Санкт-Петербург)*

## **НАХОДКА КОМПЛЕКСА АРТИЛЛЕРИЙСКИХ БОЕПРИПАСОВ XVII–XVIII вв. В ПУШКАРСКОЙ СЛОБОДЕ МОСКВЫ**

**В** ХОДЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК в Москве в сезоне 2022 г. был исследован участок, расположенный в северной части Земляного города на исторической территории Пушкарской слободы (так называемые *Пушкарки*) – одной из московских военных слобод. Поселение располагалось (ил. 1) на левом берегу реки Неглинной примерно посередине между Пушечным двором<sup>1</sup> и артиллерийским стрельбищем<sup>2</sup>. Точное время возникновения слободы неизвестно, по предположению И. Ф. Токмакова с 1497 г. здесь на жительство размещались пушечные мастера<sup>3</sup>.

Слобода была сравнительно крупной, в 1638 г. в ней насчитывалось 374 двора<sup>4</sup>. В это время среди ее жителей числились пушкарки, пушечные кузнецы, зелейные и колокольные мастера, паникадильщики, паяльщики, а также портные, замочники, плотники, фонарники, калашники, прянишники, сусальники, иконники, шапочники, колодезники и ремесленники некоторых других специальностей<sup>5</sup>. Упоминание здесь большого числа различных мастеров, напрямую не связанных с артиллерией, объясняется тем, что «звание пушкаря не исключало его прочих занятий... будучи пушкарем, он в тоже время состоял и ремесленником, как, напр., портным, красильщиком и прочим ...»<sup>6</sup>.

Население *Пушкарей* ярко характеризует пометка, сделанная государевыми переписчиками в Росписи 1638 года: «*Да недописаны пушкарские слободы многие дворы за их ослушанием, что они государева указу не послушали, учинились сильны, дворов*



Ил. 1. Археологические работы  
2022 г. на пересечении  
ул. Сретенки и Пушкарёва переулка.  
Район исследований на плане  
1739 г. (План императорского  
столичного города Москвы  
1739 года И. Мичурина. РГВИА.  
Ф. 386, Оп. 1. Д. 3675)

*своих писать не дали и имян своих и ружья не сказали, и ис слободы Ондreja Молвынинова и подьячего Федора Посникова выбили»<sup>7</sup>.*

В названиях сразу двух сретенских храмов была локализация *в Пушкарях*<sup>8</sup>. К западу от исследованного участка до 1930-х гг. располагалась церковь преподобного Сергия Чудотворца *в Пушкарях*, к северо-востоку – церковь Спаса Преображения *в Пушкарях*.

Сергиевский храм известен по письменным источникам с 1547 г.<sup>9</sup>. По церкви получили свое название существующие в наше время Большой и Малый Сергиевские переулки. В 1653 г. началось строительство каменного здания храма. По «Ружной книге» (1699), в приходе Сергиевского храма из 124 дворов 103 принадлежали пушкарям<sup>10</sup>. Сергиевская церковь считалась главной для всех артиллерийских полков<sup>11</sup>.

Преображенская церковь известна с 1620 г.<sup>12</sup>. В 1681 г. храм был переведен в камень. В 1699 г. в Преображенском приходе насчитывалось 218 дворов, из них 214 пушкарских<sup>13</sup>. В 1930-е гг. церковь была снесена.

В литературе отмечается, что исследуемый район – единственный в Москве, который «сохранял в течение XVIII в. свой прежний состав населения: служащие бывшего Пушкарского приказа, ставшего Артиллерийским»<sup>14</sup>. Возможно, определенную роль в этом сыграл существовавший в XVIII в. к северо-востоку от участка исследования «огромный – площадью почти 2,5 гектара – полковой артиллерийский двор, где большой пруд в центре окружали несколько деревянных строений, в которых помещались канцелярия, правление, амбары, лазарет и прочие учреждения. Здесь же находилось одно из первых московских учебных заведений – артиллерийская школа, образованная в 1701 году»<sup>15</sup>.

Для характеристики местного населения показательны сведения из «Переписных книг» (1730 – 1740-х гг.) о специализации хозяев дворов, располагавшихся рядом с участком исследования (современные Пушкарский и Большой Сергиевский переулки): *«артиллерии поручик – 2, артиллерии подпоручик – 1, артиллерии капрал – 3, артиллерии сержант – 2, артиллерии банбандир – 9, артиллерии канонир – 8, артиллерии фузилер – 4, артиллерии гантлангер<sup>16</sup> – 1, артиллерии фурлейт<sup>17</sup> – 2, артиллерии фуриштат<sup>18</sup> – 1, артиллерии вагенмейстер<sup>19</sup> – 1, артиллерии каптенармус<sup>20</sup> – 1, артиллерии гобоист – 1, артиллерии колесник – 3, артиллерии котельных дел мастер – 1, артиллерии казенный*

извозчик – 2, артиллерии слесарь – 2, артиллерии токарь – 1, артиллерии плотник – 1, артиллерии паяльщик – 1, артиллерии шорник – 1, артиллерии чеканщик – 1, артиллерии счетчик – 1, артиллерии плавильный мастер – 1, артиллерии кузнечный подмастерье – 1, артиллерии селитренный ученик – 1, артиллерийской школы ученик – 3, артиллерийской конторы ассессор – 1, артиллерийской конторы канцелярист – 3, артиллерийской конторы подканцелярист – 1, артиллерийской конторы писарь – 2»<sup>21</sup>.

На городских планах 1767 и 1768 гг.<sup>22</sup>, показана застройка *Пушкарей*. Узкие вытянутые от Сретенки к реке Неглинной кварталы были разделены на небольшие, близкие по своим размерам участки. Внутри каждого квартала дворы стояли в два ряда, тыльными сторонами друг к другу, лицевыми – к переулкам.

В 1770-е гг. на участке археологических раскопок 2022 г. располагались владения подканцеляриста М. П. Рыбникова, подпоручицы И. Ильиной, секунд-майора М. В. Миткова. В следующее десятилетие происходило укрупнение участков, постепенно менялся и состав владельцев – на место военных пришли купцы. В 1780-е гг. исследуемые участки принадлежали купцу А. М. Барсукову и купцу А. П. Заборову<sup>23</sup>.

Следует отметить, что участок исследования находится в жилом квартале, который на протяжении XVI–XVIII вв. не менял своего назначения. Обнаружение здесь артиллерийских боеприпасов и их фрагментов не связано с их производством или применением.

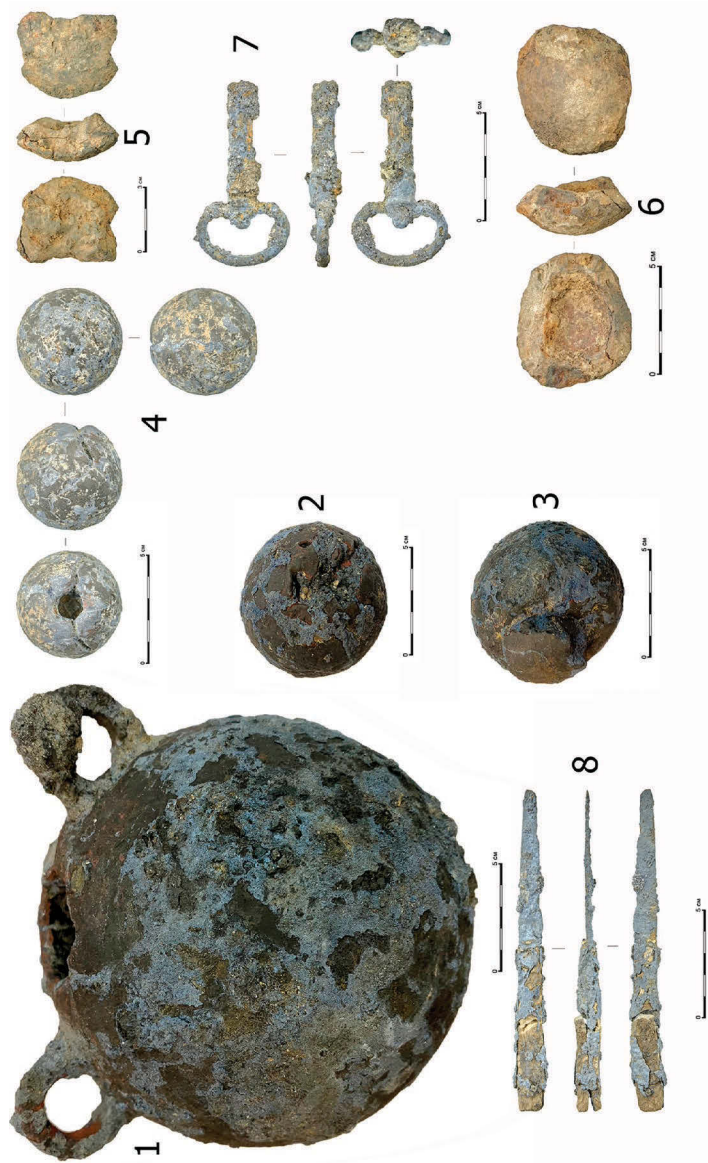
Как уже упоминалось, Пушкарская слобода располагались между Пушечным двором (Белый город) и стрельбищем (за Земляным городом, выгонная и полевая земля дворцовой Напрудной слободы)<sup>24</sup>. Если Пушечный двор существовал до начала XIX в.<sup>25</sup>, то территория стрельбища уже в 1670-е гг. была отдана под застройку Мещанской слободы. В связи с этим возникали различные курьезные ситуации. Описание одной из них сохранилось в документах Посольского приказа (1690): «у одного мещанина – Дорофея Замыцкого нашли пушечные ядра и привлекли его к ответу в Пушкарский приказ. Замыцкий показал, что “ядра пушечные у него есть, а сколько по щету, того он не упомнит, а взял-де он те ядра, как за Сретенскими ворота Мещанские слободы тяглицом земля отдана под дворы, где наперед сего была старая земляная мишень, и та мишень розрыта и из той мишени ядра брали всяких чинов люди”»<sup>26</sup>.

В данной связи примечательны находки, выявленные во время археологических работ 2022 г. Основная часть находок сделана в ходе исследований комплекса, представлявшего собой нижнюю часть небольшого сруба – по всей вероятности остатков колодца или погребка. Сооружение сохранилось фрагментарно – основная его часть была разрушена при позднейшем строительстве кирпичных строений с подвалами 1803–1825 гг., а также их последующих перестроек. Таким образом, верхнюю границу датировки данного объекта можно с уверенностью определить как 1803 г. Сохранились лишь два нижних венца бревенчатого сруба. Размеры погребка составляли около  $1 \times 1$  м. В заполнении был обнаружен ряд находок: остатки столового ножа с пластинчатыми деревянными накладками, фрагмент железного ключа, а также лежащие вместе два чугунных ядра и мортирная бомба (ил. 2. 1–3; 7–8). Также было прослежено незначительное количество чернолощеной и белоглиняной гладкой керамики XVII–XVIII вв. Сам погребок выявлен на уровне материка; в него входили сваи от свайного поля фундамента вышележащего дома XIX в. Среди обнаруженных неподалеку находок следует отметить ручную шарообразную гранату со следами производственного брака и отдельные осколки крупных артиллерийских гранат или (исходя из возможной реконструкции диаметра изделий) мортирных бомб (ил. 2. 4–6).

Мортирная бомба (ил. 2. 1) шарообразной формы, полая с двумя «ушами» для загрузки в ствол. Диаметр порядка 1300 мм, размер очка (запального отверстия) около 30 мм, толщина стенок 170 мм. Форма, размеры и в особенности наличие «ушей» позволяют атрибутировать данный предмет как именно мортирную бомбу, габариты данного боеприпаса соответствуют бомбам, применявшимся для стрельбы из полупудовых мортир<sup>27</sup>. Наличие на бомбе русского производства «ушей» позволяет косвенно датировать ее производство временем до начала XIX в, когда произошел отказ от данной детали на бомбах полупудового калибра<sup>28</sup>. Важно отметить, что целая мортирная бомба – нечастая находка в достоверно датированных археологических комплексах г. Москвы; они известны в основном по изображениям в литературе.

Диаметры двух найденных ядер – порядка 600 и 630 мм (ил. 2. 2–3). Поверхность ядер – без следов шлифовки, сильно корродированная, с заметными скалами и выбоинами – возможно, следами литейного брака, однако следы швов от форм и литников





Ил. 2. Комплекс артиллерийских боеприпасов из исследований 2022 г. 1 – мортирная бомба (чугун); 2–3 – ядра (чугун); 4 – ручная граната (чугун); 5–6 – осколки боеприпасов (чугун); 7 – ключ (железо); 8 – нож (железо, дерево)

отсутствуют. Диаметр ядер находится в промежутке между стандартными калибрами 2,5 и 3 фунта (ближе к последнему). Учитывая высокую степень коррозии и повреждений на поверхности предметов, вероятнее всего мы имеем дело с экземплярами трехфунтового калибра, отбракованными в процессе производства.

Диаметр гранаты (ил. 2. 4) около 500 мм, диаметр запального отверстия 16 мм. От запального отверстия отходят трещины. Толщина стенок не устанавливается. Запальное отверстие фиксируется на глубину 0,9 см от поверхности изделия, полноценная полость отсутствует, вероятно, изделие браковано при производстве. Предмет, вероятно, представляет собой бракованную двухфунтовую ручную гранату. Подобного типа боеприпасы (чугунные и стеклянные), пригодные как для запуска руками, так и для стрельбы из малокалиберных мортирок, использовались московскими, а затем и русскими войсками вплоть до середины XVIII в. (вероятно, до Семилетней войны). Приказ, отменяющий носку гранат гренадерами, вышел в 1761 г.<sup>29</sup>, последняя регламентация применения гранат в частях – в «Пехотном уставе» 1763 г.<sup>30</sup>. Хранение их в арсеналах и эпизодическое применение в ходе осад, абордажей и крепостной войны продолжалось и в последующее время<sup>31</sup>, хотя производство, вероятно, или совсем остановилось или было минимальным.

Осколки гранат крупного диаметра или бомб, с толщиной стенок 130–150 мм (ил. 2. 5) и порядка 150 мм (ил. 2. 6). Данные предметы представляют собой остатки отстрелянных боеприпасов, первоначальный диаметр изделий составлял, вероятно, порядка 1110–1130 мм.

Начало производства артиллерийских боеприпасов на территории Москвы, видимо, синхронно появлению производства собственно артиллерии. Изготовление литых чугунных пушечных боеприпасов в Москве фиксируется, по крайней мере, с середины XVI в.<sup>32</sup>, хотя долгое время, как минимум, до середины XVII в., параллельно с литыми используются и кованые железные, для мелких калибров свинцовые, а в ряде случаев и каменные ядра<sup>33</sup>. Окончательный переход на производство чугунных боеприпасов происходит, по всей вероятности, только в середине XVII в.<sup>34</sup>, запасы железных и каменных ядер фиксируются в описях арсеналов вплоть до начала XVIII в. Обнаруженный в ходе работ комплекс по времени производства может быть датирован

достаточно широко. Учитывая, что обнаружены остатки исключительно стандартизованных боеприпасов, как нижнюю дату, вероятно, следует принять середину XVII в, когда в России<sup>35</sup>, как и в остальной Европе, происходит становление системы стандартных артиллерийских калибров<sup>36</sup>. Верхняя дата, видимо, связана с периодом второй половины XVIII в., что может быть промаркировано находкой ручной гранаты, производство которых после отмены их в войсках в 1760-х гг. практически прекратилось, и типом мортирной бомбы, в обнаруженном виде не производившейся с первых годов XIX столетия. Сложение же собственно археологического комплекса, вероятно, относится к началу XIX в. В составе комплекса мы видим (за единственным исключением в виде мортирной бомбы) либо бракованные предметы, либо осколки боеприпасов, вероятно, подобранные на стрельбище. Использование подобных предметов не характерно для городской или сельской культуры России (как, впрочем, и остальной Европы) XVII–XIX вв. С какой целью эти вещи были принесены в усадьбу и как использовались, представляет в определенной степени загадку. Выскажем осторожное предположение, что тяжелые чугунные изделия могли использоваться в качестве груза для различных продуктовых заготовок или же представлять собой склад металлолома для последующей переработки и ремесленной деятельности. Причины нахождения боеприпасов XVII–XVIII вв. в «личном пользовании» жителя Пушкарской слободы, как и его идентификация с какой-либо исторической личностью, пока являются невыясненными. Археологические работы на объекте продолжаются.

---

<sup>1</sup> Сытин П. В. Пушечный двор в Москве в XV–XVII веков // Московский краевед. М., 1929. Вып. 2. С. 20.

<sup>2</sup> Богоявленский С. К. Научное наследие. О Москве XVII века. М., 1980. С. 25.

<sup>3</sup> Токмаков И. Ф. Историко-статистическое и археологическое описание церкви во имя Преподобного Сергия Радонежского Чудотворца, что в Пушкарях, в Москве и ее прихода. М., 1895. С. 3.

<sup>4</sup> Богоявленский С. К. Московские слободы и сотни в XVII веке // Московский край в его прошлом: Очерки по социальной и экономической истории XVI–XIX веков. М., 1930. Ч. 2. С. 123.

<sup>5</sup> Росписной список города Москвы 1638 года // Труды московского отдела императорского Русского Военно-Исторического общества. М., 1911. Т. 1. С. 214–222.

<sup>6</sup> Исторический каталог Санкт-Петербургского Артиллерийского музея // Сост. Н. Е. Бранденбург. Ч. I. (XV–XVII ст.). СПб., 1877. С. 85.



- <sup>7</sup> Росписной список города Москвы... С. 218.
- <sup>8</sup> План Императорского Столичного города Москвы сочиненной под смотрением Архитектора Ивана Мичурина в 1739 году // РГВИА. Ф. 386. Оп. 2. Д. 3675.
- <sup>9</sup> Паламарчук П. Г. Сорок сороков. М., 1994. Т. 2. С. 463.
- <sup>10</sup> Забелин И. Е. Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы. М., 1891. Т. 2. С. 517.
- <sup>11</sup> Токмаков 1895. С. 7.
- <sup>12</sup> Паламарчук 1994. С. 466.
- <sup>13</sup> Забелин 1891. С. 516.
- <sup>14</sup> Памятники архитектуры Москвы. М., 1989. Т. 2. С. 207.
- <sup>15</sup> Романюк С. К. Из истории московских переулков: Путеводитель. М., 1988. С. 235.
- <sup>16</sup> «*заитлангер*» – «...это название было присвоено третьему или младшему достоинству артиллерийских солдат...». См.: Военный энциклопедический лексикон, издаваемый Обществом военных и литераторов (ВЭЛ). СПб., 1840. Ч. 4. С. 72.
- <sup>17</sup> «*фурлейт*» – «...солдат при фурах, при военном обозе...». См.: Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / Сост. под ред. А. Н. Чудинова. СПб., 1894. С. 926.
- <sup>18</sup> «*фуритат*» – «...так называются нестроевые военные чины, которые состоят при обозах и вообще при тяжестях в войсках...». См.: Военный энциклопедический лексикон, издаваемый Обществом военных и литераторов... (ВЭЛ). СПб., 1849. Ч. 13. С. 509.
- <sup>19</sup> «*вагенмейстер*» – «...обозный, нижний чин унтер-офицерского звания...». См.: Военный энциклопедический лексикон, издаваемый Обществом военных и литераторов. (ВЭЛ). СПб., 1839. Ч. 3. С. 14.
- <sup>20</sup> «*каптенармус*» – «...тот унтер-офицер в роте, который... имеет в своем заведывании все предметы вооружения и продовольствия роты, равно аммуничные и мундирные вещи...». См.: Военный энциклопедический лексикон, издаваемый Обществом военных и литераторов. (ВЭЛ). СПб., 1842. Ч. 3. С. 565.
- <sup>21</sup> Переписная книга. М., 1881. Т. V. Стб. 82–87.
- <sup>22</sup> ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 22169; ГПБ ОР. Ф. 342. Д. 114.
- <sup>23</sup> Историко-архитектурное обследование центра города Москвы. Характеристика застройки квартала № 266. УГК ОИП города Москвы. Архитектурный кабинет. Шифр 350/89. М., 1988. С. 7.
- <sup>24</sup> Богоявленский 1980. С. 25; Сытин 1929. С. 20.
- <sup>25</sup> Сытин 1929. С. 9.
- <sup>26</sup> Богоявленский 1980. С. 25.
- <sup>27</sup> Вышенков В., Маковская Л., Сидоренко Е.. Каталог материальной части отечественной артиллерии. Л., 1961. С. 63, 81, 143; Михневич П. В. Каталог боеприпасов отечественной артиллерии. Л., 1961.
- <sup>28</sup> Игошин К. Г. Развитие боеприпасов отечественной полевой артиллерии в период наполеоновских войн // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Пятой Международной научно-практической конференции 14–16 мая 2014 г. СПб., 2014. Ч. 2. С. 202–203.
- <sup>29</sup> Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). 1830. Т. 15, № 11353. С. 816.
- <sup>30</sup> Пехотной строевой устав. СПб., 1763. С. 98–99.
- <sup>31</sup> Прибылов Б., Кравченко Е. Ручные и ружейные гранаты. М., 2008. С. 13–15.

<sup>32</sup> Герберштейн С. Записки о Московии. М., 2008. Т. 1. С. 245.

<sup>33</sup> Кирпичников А. Н. О единообразии в изготовлении русских средневековых артиллерийских орудий и их классификации // FASCICULI ARCHAEOLOGIAE HISTORICAE. 1987. С. 32–33.

<sup>34</sup> Кирпичников А. Н. Описная книга пушек и пищалей как источник по истории средневековой русской артиллерии: (К характеристике городского наряда Московского государства второй четверти XVII века) // Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея. Вып. 4. Л., 1959.

<sup>35</sup> Кирпичников 1987. С. 33, 45.

<sup>36</sup> Лобин А. Н. Артиллерия московских стрелецких полков в 1670–680-х годах. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2012. Т. II. С. 1–41. < <http://www.milhist.info/2012/07/23/lobin> > (23.07.2012). С. 28.